

ЗАОНЕЖЬЕ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX века Заонежье стало объектом изучения для нескольких исследователей, этнографов и археографов. В июне 1903 года по поручению отделения русского языка и словесности Академии наук Заонежье посетил Всеволод Измайлович Срезневский (1867–1936), с 1903 года заведовавший отделом рукописей Библиотеки Академии наук в Петербурге¹. Целью его поездки было приобретение рукописных книг для этой библиотеки. В.И.Срезневский проехал от Шуньги до Сенной Губы, посетив Кажму, Космозеро и другие селения. Поездка была очень удачной. Археографу удалось приобрести более 240 рукописей XV–XIX веков, 30 старопечатных книг и книг церковной печати и сделать ряд других приобретений. Всего он вывез, по некоторым данным, около 13 пудов книг и рукописей. Отчасти этот успех объясняется содействием, оказанным ему местными собирателями, среди которых он выделяет священника из Великой Губыprotoиерея В.С.Ржановского. Отчет о поездке вскоре был опубликован в одном из изданий Академии наук². Впоследствии, в 1905 году, В.И.Срезневский вновь посетил Петрозаводск для принятия в дар Библиотеке Академии наук рукописного и книжного собрания священника А.П.Воскресенского. Во время этой поездки он вновь посетил "те же места, где был ранее", и приобрел еще несколько рукописей. Итоги описания книг олонецкого собрания были подведены В.И.Срезневским в его труде "Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае" (СПб., 1913).

¹ Биографические сведения о В.И.Срезневском см.: Копанев А.И. В.И. Срезневский – библиотекарь Библиотеки Академии наук // Сборник статей и материалов Библиотеки Академии наук по книговедению. Л., 1973. Вып. 3. С. 214–245; Горянинов А.Н. Срезневский Всеволод Измайлович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979. С. 317–318.

² Срезневский В.И. Поездка в Петрозаводск и Заонежье // Известия отделения русского языка и словесности Академии наук. 1904. Т. 9. Кн. 3. С. 19–36 (отд. оттиск: СПб., 1904).

Летом 1904 года по заданию Русского географического общества (далее РГО) Заонежье посетил фольклорист и этнограф Николай Евгеньевич Ончуков (1872–1942)³. Только что в мае 1903 года он окончил Петербургский археологический институт⁴, Н.Е.Ончуков был уже опытным исследователем. Поездка в Олонецкую губернию была его пятой научной экспедицией. Целью поездки Н.Е.Ончукова в Заонежье был сбор этнографических и фольклорных материалов, а также приобретение у местного населения книг и рукописей.

Большую часть времени, полтора месяца, Н.Е.Ончуков прожил в Шуньге. Ему также удалось приобрести "свыше сотни" рукописных и старопечатных книг, картин и гравюр "даниловского письма", а также коллекцию праздничных костюмов и домашней утвари для этнографического отделения Музея Александра III (ныне Русский музей)⁵. В марте 1905 года доклад Н.Е.Ончукова был заслушан на заседании отделения этнографии РГО⁶, а затем опубликован в журнале "Живая старина"⁷.

Таким образом, В.И.Срезневский и Н.Е.Ончуков практически в одно время посетили Заонежье, оставив подробные свидетельства-отчеты о своих поездках. При этом надо иметь в виду, что их восприятие крестьянской культуры Заонежья не было одинаковым. В.И.Срезневский, коренной петербуржец, сын известного слависта академика И.И.Срезневского, выпускник Петербургского университета, всю сознательную

³ Последняя работа, посвященная Н.Е.Ончукову и снабженная исчерпывающей библиографией: Иванова Т.Г. Русская фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993. С. 19–36 (очерк 7). См. также: Налепин А.Л. Фольклорно-этнографическая деятельность Н.Е.Ончукова // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. 10. С. 76–94.

⁴ Петербургский археологический институт готовил "специалистов по русской старины". Там преподавались источниковедение, историческая география, палеография, дипломатика и многие другие вспомогательные исторические дисциплины. Занятия происходили по вечерам. Институт не давал высшего образования. Сам Н.Е.Ончуков писал позднее, что в археологическом институте он "занимался главным образом палеографией", которую в 1901–1903 годах там преподавали известные специалисты А.И.Соболевский и В.Н.Перетц. Н.Е.Ончуков окончил институт со званием члена-сотрудника, которое давалось лицам, не имевшим высшего образования (см.: Пашков А.М. Вспомогательные исторические дисциплины в отечественном архивном образовании в конце XIX – начале XX века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984; Неизвестная автобиография Н.Е.Ончукова. Публикация В.Ю.Дудник // Из истории русской фольклористики. Л., 1990. Вып. 3. С. 120).

⁵ Сейчас значительная часть этнографических коллекций из бывшего музея Александра III находится в Государственном музее этнографии в Петербурге.

⁶ Географическое общество // Исторический вестник. 1905. № 7. С. 305–306.

⁷ Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы (поездка в Поморье и Заонежье) // Живая старина. 1905. № 3–4. С. 271–289.

жизнь прослужил в крупных столичных библиотеках. Знающий книго-вед, он имел гораздо меньший опыт общения с простым народом, чем уроженец Вятского края, в прошлом сельский фельдшер, тюремный врач и журналист Н.Е.Ончуков. Кроме того, В.И.Срезневский, посетивший в поисках старинных книг за короткое время много заонежских деревень, не ставил перед собой цели изучения крестьянской жизни, которая интересовала его лишь в связи с крестьянской книжностью. В отличие от него Н.Е.Ончуков, надолго обосновавшийся в Шуньге, занимался широкими этнографическими исследованиями. Однако подход Н.Е.Ончукова к изучению культуры и быта заонежан отмечен отчасти излишней публицистичностью и поверхностным "газетным" стилем. Тем более важно сопоставить наблюдения обоих исследователей.

Оба исследователя отметили значительное в прошлом влияние старообрядчества на крестьянскую культуру и книжность Заонежья. В.И.Срезневский писал: "Есть деревни, где в редкой избе вы не найдете книги – или рукописную, или почаевской и гродненской печати, икону старинного письма, картину, ручное кадило – «дымило», в редкой избе нет связи со старой верой, с какой-нибудь "монастыркой", ушедшей или выгнанной с Лексы во время ее разорения, оставившей своим родственникам сбереженные со страшной опасностью предметы запретного церковного обихода"⁸. Это мнение подтверждает и Н.Е.Ончуков: "Если Поморье наше насквозь, так сказать, пропитано Соловецким монастырем, то Заонежье также пропитано, пронизано сколком с Соловецкого монастыря, Даниловским монастырем, он же Выгорецкий скит... При первом же моем знакомстве с Заонежьем следы Данилова стали просто кидаться в глаза во все больших и больших размерах, и в конце концов мне приходилось только удивляться тому, по-видимому, огромному количеству имущества в иконах, книгах, рукописях, предметах обихода, которые имел Даниловский монастырь до своего окончательного падения в 1857 году... во всяком мало-мальски зажиточном доме иногда находится целая коллекция прекрасных, часто унизанных жемчугом икон, настоящей стоимости которых владельцы иногда даже и не подозревают, а только почти инстинктивно, до последней возможности стараются не продавать их, как материнское или отцовское благословение, или потому, что это «досильщина», «даниловщина», которую по-старому очень уважают и ценят"⁹.

Вместе с тем оба исследователя отмечали упадок традиционной крестьянской культуры. При этом В.И.Срезневский указывал на падение

⁸ Срезневский В.И. Поездка в Петрозаводск и Заонежье. С. 20.

⁹ Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы. С. 278–279.

авторитета и влияния старообрядчества к началу XX века: "Став официально православным, население не могло сразу отшатнуться от своих прежних святынь и продолжало их беречь, уступая им только по нужде в деньгах; умение читать эти книги, правда, понемногу уменьшается вместе с распространением гражданской грамотности и отхожими промыслами; в связи с этим усиливается и православие; получается странное, но обычное явление, что степень уважения к старой книге и знание ее оказывается обратно пропорциональным развитию общей грамотности и православия. Случайность развития православия является причиной того, что часто в одной избе можно найти людей, в разной степени отошедших от прежней веры и в зависимости от этого то признающих и читающих старые книги и рукописи, то только берегущих, хоть и не разумеющих их, то, наконец, презрительно к ним относящихся. В некоторых местах рукописи нашли себе самое современное применение: их стали употреблять на папиросы..."¹⁰. Тот же автор описывает, что однажды к нему пришел скрытник – представитель одного из самых радикальных толков старообрядчества, и принес для продажи "тайком в руках кафтан" две книги. Можно добавить, что сам факт успешной археографической поездки В.И.Срезневского и покупки им за короткий срок большого количества рукописных книг у заонежских крестьян тоже красноречиво свидетельствует об упадке традиционной крестьянской книжности Заонежья к началу XX века.

Н.Е.Ончуков основное внимание уделяет упадку традиционных форм крестьянского фольклора – былин и сказок. Он писал: "Совсем плохо понятна крестьянам моя любознательность к былинам и сказкам нынче летом: какой особый интерес может представлять былина, когда так много захватывающего в газетах? Что любопытного в былине, где так долго нужно слушать о битве каких-то двух богатырей, когда в любом номере «Биржевки» заонежанин может вычитать, как русские японцев чистят, как картошку? Уничтожаются люди не десятками, как в былинах, а тысячами и десятками тысяч. «Под Порт-Артуром погибло 17000 японцев», – читает сегодня заонежанин, а на следующую почту гибель японцев в тысячах выражается уже цифрой в сорок. Вообще, что в сравнении с ужасами японской войны беды былинных героев, и что в сравнении с самой интересной, но известной и переизвестной былиной, любой номер любой ежедневной газеты?"¹¹.

Н.Е.Ончуков видит причины упадка былинного эпоса в Заонежье в упадке традиционной крестьянской культуры и быта, вызванного изме-

¹⁰ Срезневский В.И. Поездка в Петрозаводск и Заонежье. С. 21.

¹¹ Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы. С. 277.

нениями социального и экономического характера. Он делает такой вывод: "Былины могли храниться, любиться и петься до тех пор, пока к ним могло существовать, так сказать, религиозное отношение, пока мораль, в них проповедуемая, была моралью для тех, кто былины пел, пока идеалы героев былин почти совпадали с идеалами лиц, былины певших, и взгляд на жизнь былинных героев был тождествен со взглядами певцов былин... в глубине души народной также происходит "переоценка ценностей", зависящая, может быть, просто от изменения экономических условий жизни. Разрушается старая, патриархальная, основанная на обработке земли и промыслах домашняя жизнь, а вместе с ней и все то, что эту жизнь до некоторой степени красило и удовлетворяло. Забываются старые песни, былины, сказки, потому что уже не могут они удовлетворить нарушенную девственность мысли и веры современного крестьянина. Не удовлетворяясь старыми идеалами,чество жадно ищет новых..."¹²

Наряду с описанием упадка традиционной крестьянской культуры Заонежья Н.Е. Ончуков отмечает и проявления в крае новой буржуазной культуры. Он пишет: "Во всем Заонежье народ далеко не тот, что, например, на Печоре или Мезени и даже в Поморье: народ в Заонежье разбитной, бойкий, своим видом больше подходящий к горожанам. Этому причина – близость Заонежья к Петербургу. В последнем почти из каждой деревни Заонежья кто-нибудь да живет, чаше в приказчиках, реже в ремесленниках и прислугах¹³. Редкий не только мужчина, редкая женщина из Заонежья не бывали в Петербурге. А Петербург... быстро и резко слаживает не только внешние этнографические особенности народа, но развращает и его душу, меняет область его мировоззрений. Заонежанину, побывавшему в Петербурге, а особенно в нем пожившему, неминуемо приходится вкусить легких плодов внешней трактирной культурности и цивилизации уличной прессы, "искусства" монопольных народных развлечений комитетов обществ трезвости. А вкусившему их уже нет ни времени, ни охоты заниматься "такими глупостями, как былины или сказки"... Происходит переворот, медленный, постепенный, но все же исторически неизбежный и в самой деревне. В Заонежье не

¹² Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы. С. 277.

¹³ Высокий социальный статус заонежан в Петербурге отмечал еще в 1828 году путешественник и издатель журнала "Отечественные записки" П.П.Свинин, совершивший тогда плаванье из Петрозаводска в Повенец вдоль заонежского берега. Он писал о заонежских селах: "Селения, встречаемые по берегам озера... служат родословищу книгой многих петербургских богачей" (Свинин П.П. Путешествие в Соловецкий монастырь // Отечественные записки. 1829. Ч. 37. № 105. С. 130–131).

прятко, но твердо работает земство, шумит монополька с ее чайными общества трезвости, многие крестьяне выписывают газеты, где нынешним летом зачитывались о войне. Далеко шагнула нынче наша северная деревня со стороны чисто внешней культурности: ... в Шуньге собственными глазами я лицезрел, как сыновья местных богачей раскатываются по улицам Шуньги на велосипедах. Место ли тут былинам?»¹⁴.

Таким образом, по свидетельствам В.И.Срезневского и Н.Е.Ончукова, в начале XX века в Заонежье происходил процесс разложения традиционной крестьянской культуры, проявлявшийся в кризисе широко распространенного здесь старообрядчества, повлекшем за собой упадок традиционного фольклора и крестьянской книжности. Происходивший одновременно с этим процесс зарождения новых, буржуазных форм культуры, основанных на освоении достижений городской или, шире понимая, мировой цивилизации, тоже имел место, но находился еще на самой ранней стадии.

¹⁴ Ончуков Н.Е. Старина и старообрядцы. С. 276–277.